

Федор ИВАНОВ

*Короткие
рассказы*

Федор Иванов
Короткие рассказы

«Издательские решения»

Иванов Ф.

Короткие рассказы / Ф. Иванов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-839391-4

В сборнике вниманию читателя предлагаются короткие рассказы, написанные, в основном, в последнее десятилетие двадцатого века.

ISBN 978-5-44-839391-4

© Иванов Ф.
© Издательские решения

Содержание

Зеркало	6
Дядя Сима	8
Всего три минуты	9
Случайно услышанные фразы: Москва. 90-е годы 20-го века	10
Старик и стук колес	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Короткие рассказы

Федор Иванов

© Федор Иванов, 2017

ISBN 978-5-4483-9391-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Зеркало

Она стояла у входа в универмаг «Юнипри», посещаемый небогатыми парижанами и гостями французской столицы. На вид ей было не больше восемнадцати. Незнакомка держала в руках яркий пакет.

Хуану сразу показалась, что он ее где-то видел. Только где и когда они встречались? Во сне, в университете, в прошлой жизни?

А может, эта девушка просто сошла с портрета кисти Веласкеса, вырвавшись из черного фона на встречу лепящему ее свету?

Хуан мгновенно забыл о товарище, ждавшем его у Сорбонны, чтобы вместе готовиться к экзамену. Забыв обо всем, он шагнул вперед. Девушка подняла голову. Их взгляды встретились. Лица осветились улыбками:

«Как тебя зовут?»

«Джейн. А тебя?»

«Меня зовут Хуан».

«Ты испанец?»

«Да!»

«Что делаешь здесь? Учишься? Работаешь?»

«Учусь в Сорбонне на инженера».

«А я в Париже совсем недавно, приехала искать работу. Хочу быть манекенщицей. До чего трудно устроиться на хорошее место в центре мира. Послушай, у вас там в Сорбонне не требуются топ-модели?»

«Потерпи немного, Джейн! Я скоро разбогатею, открою дом мод и назову его твоим именем. Ты согласна?»

«Да, Хуан, согласна, я подожду! Всю жизнь готова ждать!»

Джейн улыбается и слегка покачивает головой, словно предложение Хуана слишком хорошо, чтобы осуществиться. Ее глаза чуть печальны, когда она внимательно слушает, словно задумываясь над обращенными к ней словами, но взгляд ее снова и снова озаряется огнем и светом улыбки, нежностью и вниманием к собеседнику.

«Джейн. Ты очаровательна!» думает Хуан.

Эти слова спрятаны в глубине его сердца, но их выражают руки, глаза, наклон головы. Хуан не верит, что Джейн может уйти просто так, затеряться в толпе.

«Джейн, ты сейчас не очень занята? Давай пройдемся по берегу Сены!»

Джейн кивает и застенчиво улыбается.

«Можно я возьму тебя под руку?» вдруг спрашивает она. И тут же объясняет:

«Я так долго мечтала пройти по Парижу рядом с таким красивым парнем, как ты, Хуан!»

Они идут вдоль Сены, а вокруг них Париж во всей своей радостной неповторимости. Страна маленьких кафе, многоязычный говор музеев. Город, в котором одиночество не грустно. Потому что с Парижем не может быть одиночества. Но и Париж не нужен Хуану и Джейн. Париж сегодня это третий лишний. Хуан лишь на минуту оставляет Джейн, попросив прощение. Он уходит и возвращается с букетом прекрасных белых роз.

Они расстались на несколько часов и снова встретились уже вечером у мечети. Потом долго гуляли по городу. В Люксембургском саду среди берез Хуан в первый раз поцеловал ее. А затем был ужин в ресторане, где сладко пела скрипка, и грузный цыган в красной рубашке пел хрипловатым, трогаящим за живое голосом.

Около полуночи они вошли в гостиницу, где жил Хуан. Джейн не убрала руку и оба, не обменявшись ни словом, прошли мимо все понимающего портье и поднялись по красной ковровой дорожке на второй этаж. Чуть скрипнула дверь, и мир двоих, растворенный в огром-

ном Париже, стал миром лишь для них одних, миром уединения, замкнутым пространством небольшого номера с кроватью, креслом, стульями и огромным зеркалом в полстены, стоявшим здесь бог весть с какого века.

Бурей пронеслась ночь. Ласковые слова, жаркие объятия, раскрытое окно, и никогда не спящий, даже ночью неугомонный город. Жажда. Пустые бутылки с минеральной водой из их маленького холодильника, и неожиданный рассвет, и внезапно сморивший сон.

Хуан проснулся и сразу понял, что один.

«Джейн», негромко позвал он. Ответа не было. В комнату сквозь неплотно задернутые занавеси заглядывал солнечный свет. С улицы доносился шум машин.

Вдруг взгляд его упал на зеркало. Красной губной помадой на нем было что-то написано.

Хуан спрыгнул с кровати, босиком подошел к зеркалу и вслух по слогам прочел:

«Мечь мужчинам. У меня СПИД. Прощай!»

Хуан снова и снова перечитывал слова. Они не связывались в смысл, не укладывались в голове. Они не были реальными, проходили мимо сознания, не задевая его.

«Зачем?» Он прошел в ванную, сунул голову под струю холодной воды и долго стоял, не чувствуя ничего, без мыслей, без движенья, без страха и горечи.

«Я должен найти ее. Я должен понять, почему она так поступила! Что с ней сделали раньше, прежде чем она так... стала такой... ожесточенной!» думал он на следующий день, собираясь идти на анализ крови.

А за окном шумел прекрасный и равнодушный город.

Дядя Сима

Жил у нас в деревне дядя Сима. Уж как его бабы и девки любили, и не рассказать. Сами за ним бегали. Отбою от них не было. Совсем стыд потеряли бабы-то.

Жил он бобылем на окраине, рядом с оврагом, на родник ему еще близко, удобно было за водой ходить.

Добрый он был, тепло от него шло, как от русской печки. Ласковый, блажной немного. Скажешь ему

«Сим, комар на тебе!»

А он:

«Ну и шут с ним, И ему есть надо».

Один-то раз муж Надьки к нему пришел.

«Где, говорит, Надюха? Верни жену!»

А Надька тем временем из окошка с другой стороны дома выпрыгнула и огородом бегом, к оврагу, как коза от пастуха, от мужа спасается. Схватил Сима мужа за грудки, развернул его и как даст пинка ему. Тоже здоровый был. Не было в нашей деревне никого сильнее его!

Боялись, ох, и боялись же его мужья. Даже жен бить почти перестали. А те, жены-то, чуть что:

«К Симеону уйду! Вот ведь! Ну как тут с ними сладишь?»

Был дядя Сима высоким, но не длинным, ладным таким. Молодец, одним словом. И никогда мы его злым не видели, не то, что других мужиков.

Наконец, женился дядя Сима. Как только решился? Ему тогда уж под пятьдесят было. Пожил полгода всего женатым-то да и помер. Вот так-то...

Всего три минуты

Несколько наездов серьезных людей; мой строптивый характер и звериное, не передаваемое словами чувство опасности, неминуемой катастрофы.

И вот они пришли меня убивать. Я узнал их по запаху. Поганому запаху одеколона и дорогих сигарет. Воздух в подъезде пропитался тошнотворной отравой. Скорее всего, они долго крутились в подъезде. Знают, что я приезжаю с работы в разное время. Должно быть, их трое. Один ждет меня на этаже. Другой пойдет по лестнице следом. Третий остался на улице и наблюдает за входом в подъезд.

Никуда от них не деться.

В миг опасности из головы куда-то исчезают мысли и слова. Остается тишина. Воля становится сжатой пружиной. Когда пружина освободится, тишина станет вечной или сменится суетой и бестолковостью жизни. Зря я отпустил шофера... Хотя, что бы это изменило? Вместо одного два тела.

Но перед тем, как наступит тишина, сердцу надо справиться с обидой. Я не сделал им ничего плохого. Они не могут испытывать ко мне ни злости, ни ненависти. Но они ждут меня. Им уже продали мое мясо.

Я не прошу у бога ни одной лишней минуты, пусть только те, что отпущены. Я верю на свой лад, да простят меня истинно верующие. Бог есть. Это Бог живых. Над мертвыми же не властен никто. Даже Бог.

И все-таки как хочется быть неправым. Как я хочу послать в ад хотя бы одного подонка. Как хотелось бы, чтобы со смертью ничего не кончалось.

Нет, я не выйду на свою лестничную площадку. Мне не нравится кровь на грязной лестнице. Мне хочется поиграть с ними. Я заставлю их залезть на крышу. Там будет интереснее.

Я поднимаюсь на 9 этаж. Мне везет. Дверь на чердак открыта. Перед ней играют два мальчугана лет десяти.

«Ребята покатайтесь в лифте! Очень надо! Хорошо? Ровно тридцать секунд. Держите часы. Потом дуйте скорей на улицу. Понятно?»

Глажу одного из них по голове. Последний раз глажу теплые волосы ребенка.

Они уже бегут вверх по лестнице, старательно перепрыгивая через две ступени. Накачаные. Молодые. Не хотят упустить добычу. Мне кажется, что я слышу их шаги... Интересно, сколько им дадут за меня?

Вот я на крыше. Прячусь за каменный квадрат. Прижимаюсь спиной к нагретому солнцем камню.

Когда-то, в десятом мы выходили с ребятами на крышу школы. Сияло солнце. Небо голубело и улыбалось маю. А впереди за горизонтом была жизнь, наша жизнь, только наша никем еще не пройденная тропа. Бесконечная, как весеннее небо над головой.

Они уже рядом. Стоят у самого выхода. Затаили дыхание. Прижались плечом к косяку. Готовятся к прыжку: выскочить и упасть. Не знают, что у меня нет оружия.

Вот один из них чуть высунулся из проема. Пистолет в руке поворачивается за глазами. Прыжок, и он падает у колонны, за которой я. Пинаю ногой. Пистолет летит в небо. Он вскакивает, бьет его в ухо. Он колет меня ножом, почти без замаха.

Но поздно Я уже обхватил его обеими руками. Он мой. Он будет сегодня в аду. Делаю шаг. Еще один. Мы срываемся и летим.

Я больше не увижу неба.

Всем на свете стала земля.

Прими же меня. Я любил тебя.

Случайно услышанные фразы: Москва. 90-е годы 20-го века

Люблю бродить по городу. Прислушиваюсь к разговорам. Не подслушиваю. Слушаю...

Девочка по дороге в детский сад:

«Мама, а гуси лебедей любят?»

Другая девочка в электричке:

«В меня разбойники выстрелят, и в кофте будут дырочки, и я в школу с дырочками пойду».

Уборщица в библиотеке:

«Вчера Гайдар с Зюгановым по телевизору... Кто чего!»

Пенсионер:

«Все иностранцам завидовали....

Вот и получили!»

Утро на железнодорожной станции:

«Стакан у тебя?»

«Да, я его и от чая отмыл!»

Представитель молодежи на переходе в метро:

«А я ему говорю: хрен тебе!»

Старик и стук колес

Все выходные старик проводил на своем садовом участке. Уже пенсионером он продолжал работать кадровиком в министерстве химической промышленности. Всю жизнь он трудился на одном месте, всегда был точным аккуратным, но по служебной лестнице высоко не взобрался, о чем не жалел нисколько. Смысл жизни старик видел в самой исполнительности и аккуратности. Сад он получил уже перед самой пенсией, и жизнь его переменялась: стала интереснее.

Днем он работал в саду и на огороде. Копал землю медленно, мощно, не уставая. Пусть рубашка на спине мокрая от пота, зато руки полны сил, в глазах огонь. Горит крестьянская кровь. Разве отпустит его эта земля, разве даст уйти? Роса блестит на траве, сверкает на листьях. А слеза, что чище и прозрачнее росы, нет – нет да и сверкнет на щеке.

Вечером после работы любил жечь костер. Как весело пылали стебли малины, пучки старых трав, хворост, бумажные пакеты. Как хорошо сидеть у костра, вороша угли длинной веткой, словно подзадоривая и дразня огонь.

В воскресенье поздно вечером он возвращался в город. На станцию брел через лес. Трещали сухие сучья, ухали филины, и все яснее слышался голос поездов: грохот грузовых составов, стремительный свист скорых, знакомая гамма набирающих ход электричек.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.